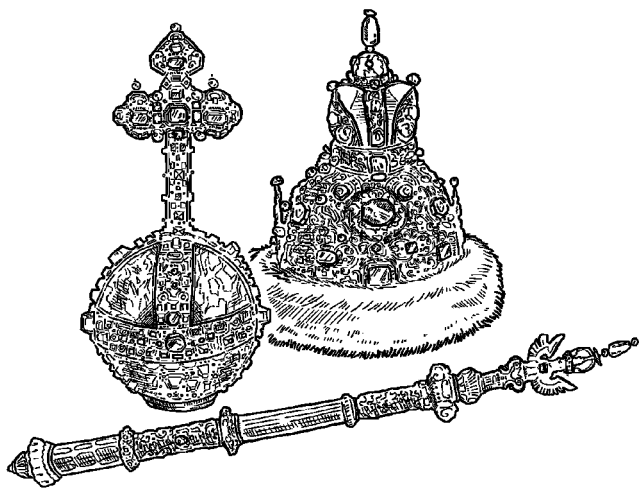

ДЕТЕКТИВЫ НАТАЛЬИ СОЛНЦЕВОЙ

- ✓ «Венера и Демон»
- ✓ «Шарада Шекспира»
- ✓ «Яд древней богини»
- ✓ «Сокровище Китеж-града»
- ✓ «Французский ангел в кармане»
- ✓ «Этрусское зеркало»
- ✓ «Московский лабиринт Минотавра»
- ✓ «Печать фараона»
- ✓ «Принцесса из Шанхая»
- ✓ «Испанские шахматы»
- ✓ «Она читала на ночь»
- ✓ «Амулет викинга»
- ✓ «Ожидай странника в день бури»
- ✓ «К чему снится кровь»
- ✓ «Опасайся взгляда Царицы змей»
- ✓ «Все события неслучайны»
- ✓ «Не бойся глубины»
- ✓ «Дневник сорной травы»
- ✓ «В Храме Солнца деревья золотые»
- ✓ «В горах ближе к небу»
- ✓ «Следы Богов»
- ✓ «Легкие шаги в Океане»
- ✓ «Свидание в Хэллоуин»
- ✓ «Последняя трапеза блудницы»
- ✓ «Кинжал Зигфрида»
- ✓ «Золотой гребень для русалки»
- ✓ «Три смерти Коломбины»
- ✓ «Отпуск на вилле с призраком»
- ✓ «Селфи с римским фонтаном»
- ✓ «Эффект чужого лица»
- ✓ «Мантия с золотыми пчелами»
- ✓ «Красный Лев друидов»
- ✓ «Копи царицы Савской»
- ✓ «Портрет кавалера в голубом камзоле»
- ✓ «Танец семи вуалей»
- ✓ «Полуденный демон»
- ✓ «Натюрморт с серебряной вазой»
- ✓ «Шулер с бубновым тузом»
- ✓ «Джоконда и Паец»
- ✓ «Эликсир для Жанны Д'Арк»
- ✓ «Пассажирка с «Титаника»»
- ✓ «Прыжок ягуара»
- ✓ «Камасутра от Шивы»
- ✓ «Новый Декамерон»
- ✓ «Иди за мной!»
- ✓ «Дьявольский поезд»
- ✓ «Убийство в пятом варианте»
- ✓ «Подручный смерти»
- ✓ «Черный байкер»
- ✓ «Дуэль с Оракулом»
- ✓ «Роковой подарок жениха»
- ✓ «Адвокат и его женщины»
- ✓ «Лабиринт Ворона»
- ✓ «Медвежий сад»

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

РОКОВОЙ ПОДАРОК ЖЕНИХА

Издательство АСТ
Москва

Дорогой Читатель!

Я написала уже более пятидесяти книг.

Каждая из них — мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания.

Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.

«Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое».

Николай Гумилев

~ ГЛАВА 1 ~

Владимирская область,
1976 год

Они стояли на краю ямы и с облегчением вытирали рукавами пот, заливавший глаза. Жарко... от телеги, на которой лежит тело, несет сладковатым трупным запахом...

— Пойдем... Надо быстрее покончить с этим...

В лесу звонко распевали птицы, на старом дереве постукивал дятел. Лошадь мирно щипала сочную травку. А двое мужчин тащили третьего, завернутого в серое солдатское одеяло, к свежерытой могиле. К одеялу прилипла солома, которой присыпали труп, когда везли сюда. Бросили его вниз, на глинистое дно ямы, поспешно закидали землей...

— Господи! Грех-то какой... грех!

Один крестился дрожащей рукой, второй тщательно укладывал поверх влажных комьев зеленый дерн.

— Место глухое... никто не найдет... ни в жизнь!

— Неужто не страшно тебе?

— Кого бояться-то?

С этими словами второй разогнулся, крикнул и неодобрительно покосился на товарища.

— Да не дрожи ты! Все! Забудь о том, что было. Поехали...

Они уселись на телегу, и лошадка потрусилась по лесной дороге. Колеса то проваливались в заполненные дождевой водой рытвины, то подпрыгивали на кочках. Из чаши пахло сыростью и грибами.

— Опят нынче будет, завались! И насолим, и наедемся досыта. Любишь жареные опенки?

Не дождавшись ответа, разговорчивый возница затянул протяжную песню.

— Прекрати... как ты можешь? — возмутился молчун.

— А что такого? Ты это брось, дружище! Поедом-то себя не ешь...

— Неужели, мы из-за какой-то бумажки... человека убили?

— Он сам нарвался! Не хотел по-хорошему!

— Из-за какой-то бумажки... — простонал молчун. — Не могу верить...

— И не верь! Не верь! Не было ничего... Понимаешь? Не бы-ло...

— А как же... — молчун повернулся в сторону леса, где они закопали труп, и схватился за голову. — Загубили мы себя! Ему теперь все равно, а нам...

— Поздно спохватился. Снявши голову, по волосам не плачут...

— Может, тот монашек блаженным был... ну, то есть... свихнулся?

— Блаженные, они и есть истинные пророки... Им и прошлое ведомо, и будущее.

Молчун побледнел.

— Тогда нам на роду смерть написана... — подавленно вымолвил он.

Мужчина, который управлял лошадьё, досадливо сплюнул и натянул вожжи, останавливая телегу.

— Тпррру-ууу... Перестань каркать, ради Хри-

ста! — одернул он молчуна. — Еще ничего не началось, а ты уже панихиду служишь! Вот, повезло с напарничком...

Он спрыгнул на землю, достал из-под соломы топор и махнул молчуну рукой.

— Айда валежник рубить! Я телегу брал, чтобы дров домой привезти...

* * *

МОСКВА, НАШЕ ВРЕМЯ

Игорь Тарханин установил дома новый компьютер, но включал его редко. Ему хватало умственной нагрузки в офисе. Дома он предпочитал пассивный отдых — валяться на диване, ни о чем не думать...

Избавиться от мыслей — трудная задача. Одно время он даже посещал специальные тренинги: учился расслабляться, разгружать мозг — что-то среднее между мантра¹-йогой и психологической релаксацией. Привести ум в состояние покоя ему так и не удалось, несмотря на подробнейшие рекомендации наставников. В результате Тарханин удовольствовался тем, что научился отличать негативное мышление от позитивного и старался гасить в себе первое и развивать второе.

Сегодняшний вечер он решил посвятить ничегонеделанию. Поужинал холодным мясом, напился чаю и улегся в гостиной, одновременно являвшейся еще и кабинетом. Мысли коварно, исподволь выплыли из неведомого неиссякаемого источника и хоро- водом закружились в голове...

— Стоп! — вслух приказал себе Тарханин. — Хватит! Отвлекись от расчетов, парень, перестань при-

¹ М а н т р ы — ритуальные и заклинательные формулы индуизма и ведизма.

кидывать, сравнивать и анализировать. Дай мозгу окунуться в нирвану!

Однако вожделенные блаженство и безмятежность ускользали от него словно тени — неуловимые, неосязаемые. Он давно заподозрил, что их не существует. Есть только фантастически прекрасная мечта о них, несбыточная сказка...

Мысли о несуществующей безмятежности были ничем не лучше любых других мыслей.

— Черт! — выругался Игорь и нервно перевернулся на другой бок.

«Ты поддался негативным эмоциям, — незамедлительно откликнулся внутренний голос. — Забыл, чему тебя учили на тренинге? Если уж ты не в состоянии остановить поток мыслеформ, то хотя бы думай о приятном!»

Тарханин попробовал переключиться на приятное, отыскать в памяти моменты счастья, чистой детской радости. Вот он, голенастый беззаботный мальчишка, садится на дареный велосипед! Но радость от езды с ветерком быстро померкла, потому что маленький Игорь «не справился с управлением», упал и больно ударился, разбил себе коленку и локоть...

«Не годится! — злорадствовал его неутомимый критик. — Оплошал, брат. Поищи-ка что-нибудь действительно стоящее. Не ленись!»

Тарханину вспоминались победы на школьных соревнованиях... летние каникулы у бабушки в деревне... приз зрительских симпатий на танцевальном конкурсе... удачно сданный экзамен... и, конечно же, первое свидание... Пожалуй, короткий роман с одноклассницей Улей вышел на первый план по накалу чувств и волнующих переживаний. Уля! Сколько они не виделись? Кажется, с выпускного вечера... Они гуляли по ночному городу до рассвета, целовались, говорили всякую чепуху... В пустынных скверах сладко пахло

отцветающей сиренью. Он сделал Уле предложение, она, естественно, отказала... Он решил, что жизнь кончена и хотел броситься с моста в Москву-реку. Не смог. Вероятно, слишком сильна была в нем жажда жизни, жажда перемен, новых впечатлений...

То первое убийственное поражение на любовном фронте повлияло на его будущие отношения с женщинами. Он дал себе зарок: осечки больше быть не должно, и заводил интрижки со смазливymi куколками, которые сами вешались ему на шею.

Гордость не позволяла ему искать встреч с бывшей одноклассницей — с того памятного дня он старательно избегал ее. Особого труда это не составило. Во-первых, Тарханины переехали — родителям дали квартиру в Отрадном. Во-вторых, всех школьных друзей-приятелей разбросало в разные стороны. Он изредка виделся с Пашкой, с которым последний год сидел за одной партой, и тот охотно делился слухами: кто где устроился, кто женился, кому повезло, а у кого черная полоса. Игорь напряженно ждал, что приятель упомянет об Уле, но тот говорил о ком угодно, кроме нее. Самому спрашивать язык не поворачивался. «Что было, то быльем поросло, — твердил он про себя. — Пашка правильно поступает. Ни к чему бередить душу!»

Уля как в воду канула.

Однажды Игорь не выдержал — ноги сами принесли его в тихий московский дворик, где он впервые с дрожью в сердце прикоснулся губами к щеке девушки... Отсюда он провожал ее в школу и сюда приводил после уроков. Их скоротечный роман вспыхнул в выпускном классе и длился полгода. Весной они допоздна сидели на лавочке, слушали, как фальшиво бренчит на гитаре сосед Ули, веснушчатый рыжий паренек, и обнимались украдкой. Ее окна выходили во двор, и после девяти мама Ули, Надежда Порфирьевна, сердитым голосом звала дочку домой. Та

поспешно вставала, а Игорь пешком шагал домой, вдыхая майскую свежесть и наслаждаясь предвкушением завтрашнего дня. Ведь завтра он снова увидит Улю! Такого упоительного ощущения восторга и трепета он больше не испытывал...

— Уля... — пробормотал Тарханин и заложил руки за голову, закрыл глаза. — Какая ты сейчас? Где ты? Кем работаешь? Замужем?

Он посчитал, сколько лет прошло. Целых четырнадцать! Сам он успел жениться, развестись, и теперь с удовольствием вел холостяцкую жизнь. На жену не обижался — сам выбирал. Чтобы — боже упаси! — ничего общего с Улей: ни внешне, ни внутренне. А потом день за днем занимался самогипнозом, убеждал себя, что счастлив. Через два года терпение оборвалось.

Жгучее желание увидеть Улю — хоть со стороны, хоть краем глаза — внезапно вспыхнуло в нем с ужасающей силой, поглотило, затопило, как весенний разлив реки затапливает луга. Раньше Тарханин справлялся с этими приступами тоски по прошлому, но каждый раз это давалось ему все труднее. С годами к ним прибавилось чувство вины.

Он вскочил с дивана и зашагал по комнате. Вдох... задержка дыхания... медленный выдох... вдох... выдох... Тугой спазм в груди постепенно ослаб, рассеялся по телу тупой болью. Затылок отяжелел, заныл.

— Дурость, — пробормотал Тарханин, усаживаясь за компьютер. — Совершеннейшая дуристика!

Он нарушил наложенное им же самим табу: взглянул в одну из социальных сетей. Хорошо знакомые и забытые лица, строчки новой биографии, той, которая началась после выпуска. Многих нельзя было узнать, кое-кто просто слегка изменился, некоторые как будто остались прежними... Ули среди них не было. Он отыскал ее на одном из групповых снимков, долго

всматривался в милые неправильные черты, ощущая, как просыпается в сердце юношеская страсть — незрелая, взрывоопасная, словно сухой порох.

Свой школьный альбом Тарханин уничтожил еще до женитьбы, — развел на загородном участке костер, безжалостно бросил в огонь и присел на корточки, наблюдая, как лижут языки пламени листы с фотографиями, с памятными надписями, среди которых затерялась скромная строчка, сделанная рукой Ули: «Люби и помни...»

— Какого черта! — процедил он сквозь зубы. — Лучше бы написала: «Прости и прощай...»

Альбом сгорел, но след в душе остался. Его ничем не выжечь, не вытравить. Тогда Тарханин, кажется, начал постигать разницу между материальным и духовным... Есть ли на свете огонь, который сожжет страдания и боль любви? Что произойдет с человеком, лишенным этой боли? Совместимы ли страдание и любовь?

Со временем ему пришло на ум, что вместо любви он испытывает ненависть к Уле. Он развенчивал ее, обвинял во всех грехах, высмеивал, изливал на нее свою злость. Заочно. Не будучи в состоянии оказаться рядом с ней, посмотреть ей в глаза, задать мучительный и бессмысленный вопрос: «Почему?»

Почему она отвергла его чувства? Почему он не прыгнул тогда в холодную мутную воду реки? Почему остался жить и даже женился? Почему ничто не радует его по-настоящему? Почему без Ули все померкло? Цветы потеряли запах, из лунных ночей ушло очарование, из музыки — волшебство, а стихи перестали трогать...

Игорь еще раз перерыл сайт в поисках каких-нибудь сведений о ней. Ничего. Пустота. Как будто Уля перестала существовать. Растворилась в тех летних сумерках, напоенных любовью и отчаянием...

~ ГЛАВА 2 ~

Два месяца спустя

Матвей Карелин никак не мог решить, куда они с Астрой поедут этим летом. Опять в Крым? Или лучше пригласить ее в Таиланд? Дела в конструкторском бюро «Карелин» идут в гору, прибыль растет, и он вполне в состоянии обеспечить достойный отдых самой придирчивой женщине. Хотя Астра ею не была — несмотря на богатство ее отца, она сумела избежать соблазнов и пороков «золотой молодежи» и остаться самой собой.

Ее двухкомнатная квартира на Ботанической улице не блистала роскошью, деньги она брала у родителей в исключительных случаях. Считала, что зарабатывать их гораздо интереснее, чем тратить. Возможно, изобилие, в котором она росла, накупило ей. По натуре Астра вовсе не была светской дамой. Она предпочитала идти по жизни своей дорогой и отстаивать собственные ценности.

Ее склонность к раскрытию преступлений говорила об остроте ее ума и любви ко всему таинственному. Карелин успел заразиться от нее этой страстью к приключениям, без которых жизнь становилась изнурительно монотонной. Тем более, что он тоже был не прочь получить щедрую порцию адреналина. Разве не это свойство характера заставляло Матвея возиться с трудными подростками, на которых махнули рукой и родители, и друзья, и педагоги с психологами? Он учил их выживать в экстремальных условиях, — в городе, в лесу, на реке, в безлюдной местности, зимой и осенью, под дождем и снегом, в жару и холод, добывать себе пропитание и воду, сооружать шалаши и землянки, разводив огонь без зажигалки и спичек.

Его группа в военно-спортивном клубе «Вымпел» считалась лучшей. Два раза в неделю он проводил тренировки по русскому бою, и третий год подряд возил своих воспитанников на соревнования в Тверь. Парни показывали хорошие результаты.

Система рукопашного боя, которую он выбрал еще в юности, стала для него не просто спортом — жизненной философией. Любую ситуацию он привык подвергать осознанному анализу.

— Если есть хоть малейшая возможность обойтись без драки, обязательно воспользуйтесь ею, — неустанно повторял он вспыльчивым, гонористым мальчишкам. — Кулаками махать — дело нехитрое.

Сегодняшняя тренировка проходила в обычном режиме. Отрабатывали толчки, захваты и броски. Матвей остался доволен, похвалил ребят.

В раздевалке к нему подошел новенький:

— Правда, что в августе мы пойдем на Зеленое озеро?

— Правда...

Зазвонил сотовый, и Матвей вынужден был прервать разговор.

— Ты еще в клубе? — прозвучал в трубке радостный голос Астры. — Когда заканчиваешь?

— Уже выезжаю. Поужинаем вместе?

— Боюсь, вдвоем не получится. Меня пригласил в ресторан один человек... Помнишь Дмитрия Евланова?¹ Так вот, он позвонил, попросил встретиться с его знакомым. У того какая-то проблема. Надеюсь, ты составишь нам компанию?

— Предлагаешь быть третьим лишним?

— Третьим, но не лишним, — засмеялась Астра. — Так ты заедешь за мной?

— Конечно. Жди...

¹ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Селфи с римским фонтаном».

Ресторан «Золотая рыбка»¹ славился рыбными блюдами. Здесь можно было заказать все, что водится в соленой и пресной воде, от вареных раков и свежих устриц до экзотических японских рыбных деликатесов.

Астра выбрала себе салат из крабов и стерлядь под клюквенным соусом. Матвей последовал ее примеру.

— Принесите даме белое вино, а мне — минеральную воду, — сказал он официантке.

— Такова участь человека за рулем, — вздохнула Астра. — Поэтому я не вожу машину. Сплошные ограничения!

Матвей обвел взглядом уютный полукруглый зал в бирюзовых тонах. В стенных нишах — росписи на древнегреческие мотивы: Посейдон в окружении тритонов, резвящиеся наяды. Посередине зала в маленьком бассейне плавали между водорослей юркие золотые рыбки. Почти все столики были заняты.

— Где же твой будущий клиент? — усмехнулся он.

— Опаздывает...

— Кто он?

— Игорь Тарханин, чиновник из министерства транспорта. По крайней мере, так сказал Евланов.

Им уже принесли заказ, когда наконец появился молодой человек, назвавшийся Игорем Сергеевичем.

— Можно просто Игорь, — с натянутой улыбкой произнес он.

На вид ему было лет тридцать — рослый, худощавый брюнет с приятным лицом и непринужденными манерами. Строгий деловой стиль в одежде, прямой взгляд, правильная речь...

¹ Название придумано автором, как и все последующие. Любые совпадения случайны.

— Я думал, вы придете одна.

— У меня нет секретов от господина Карелина, — улыбнулась Астра. — Если вы нам не доверяете...

— Нет-нет... все в порядке. Я просто не ожидал...

Подошла официантка. Чиновник заказал себе осетрину и овощи. Он явно не торопился приступать к делу. Его что-то тревожило.

Астра похвалила здешнюю кухню, отдавая дань и рыбе, и салату. Вино тоже оказалось превосходным.

— Вы любите детективы? — обратилась она к Тарханину.

Тот смешался.

— Как читатель я предпочитаю классику... а как зритель — французские фильмы. В жизни лучше держаться подальше от криминала.

— В таком случае, чем я обязана встрече? Не ужинать же мы сюда пришли?

— Счет будет оплачен мной, — сказал он.

Астра рассмеялась:

— Вижу, дело у вас уж очень щекотливое. Так или иначе, придется рассказывать. Не тяните...

Молодой человек сверкнул глазами. Они были такими темными, что зрачок сливался с радужкой.

— Честно говоря, ни вы, ни ваш спутник совершенно не похожи на...

— Сыщиков? Мы и не претендуем на эту роль. Я по профессии актриса, а Матвей — инженер-конструктор. Но если вы изложите суть проблемы, мы постараемся вам помочь. Решайтесь...

— Уже решил. Значит, вы актриса? Я слышал, ваш отец, господин Ельцов, владеет страховой компанией «Юстина». Он состоятельный человек. Вряд ли при таком отце вы нуждаетесь в деньгах. Что же, позвольте узнать, побудило вас заняться... столь необычной деятельностью?

— Почему необычной? — удивилась она.
— Я имел в виду... для людей вашего круга...
— Она с детства обожала разгадывать кроссворды! — ввернул Матвей.

— Шутите?

— Вы привыкли подходить к вопросу обстоятельно, — усмехнулась Астра. — Тогда вам лучше поискать настоящего детектива, с опытом, со связями в силовых структурах. А я — всего лишь легкомысленная женщина, которая больше полагается на подсказку провидения, чем на факты и вещдоки.

— Подсказка провидения! — повторил Тарханин. — Это то, что мне нужно. Вы обладаете способностью к ясновидению? Меня не обманули?

— Скорее, я использую нетрадиционные методы. Знаете, существует два вида медицины: традиционная и народная. Вам выбирать того, кто вылечит вашу болезнь, — дипломированный врач или народный целитель. Один использует лекарства и скальпель, другой уповает на силы природы и помощь свыше. Что вам ближе к сердцу?

Молодой человек понемногу оттаивал, расслаблялся. Эта доверительная беседа расположила его к Астре и ее молчаливому спутнику.

— Я не могу обратиться в полицию по тому поводу, который... Возможно даже сам повод отсутствует. В общем... видите ли, в школе у меня был роман с одноклассницей, Улей Бояриновой... первая любовь, так сказать...

Тарханин смущенно кашлянул. Девушка-официантка принесла его заказ, и он получил пару минут передышки.

— Вы говорили о первой любви, — напомнил Матвей, когда девушка отошла.

Ее позвали к соседнему столику. Там располагалась шумная компания из трех мужчин и одной

женщины. Похоже, они праздновали день рождения дамы и потребовали еще две бутылки шампанского.

— Нашли, где отмечать, — скривился чиновник. — В рыбном ресторане!

— Чем закончился ваш роман?

— Ничем. Первый блин всегда комом... и первое чувство тоже...

— Не всегда, — возразила Астра. — В вашем случае ведь это не так?

Он попробовал кусочек осетра, не ощутил вкуса и отложил вилку.

— Я думал, что забуду Улю, выброшу ее из сердца. Начал напропалую встречаться с другими. Наверное, хотел отомстить ей! — в его голосе звучали горечь и сожаление. — Женился ей назло. А вышло, что хуже стало только мне. Она не интересовалась моей жизнью, перевернула ту страницу нашей юности и не возвращалась к ней.

— Так вы женаты?

— Разведен. Два года самообмана и неизбежный финал.

— Вы не пытались встретиться с Улей, поговорить?

— Я делал вид, что охладел к ней.

— Перед кем?

— Перед самим собой! Глупо, да? Я сжег все ее фотографии, в том числе и школьные, где мы все вместе. Не помогло. Она измучила меня, измучила! Я сдался...

У него пересохло в горле, и он налил себе минералки.

— Я сдался, — повторил Тарханин. — Прошло четырнадцать лет, как мы не виделись. А для меня будто их и не было! Будто еще вчера мы с ней сидели на лавочке в ее дворе, обнимались, я вдыхал запах мяты и дешевых духов, чувствовал сквозь платье ее

тепло... Я не выдержал и пошел в тот двор, к ее дому. За эти годы столько воды утекло! Она могла переждать, выйти замуж...

— Вы нашли ее?

Молодой человек подавленно кивнул.

— Да. Она живет все там же, одна. Похоронила маму год назад. Уля была поздним ребенком. Отец их бросил. Уля его совсем не помнила. Господи! Я же ничего не знал! Я бы помог... деньгами и так... участием. Все проклятая гордость! Мне казалось унижением прийти к ней после того, как она мне отказала.

— Отказала? В чем?

— Я хотел жениться на ней. Сразу после выпуска. Она сказала, что еще рано, что нужно проверить наши чувства... Вы будете смеяться, но я едва не покончил с собой! До сих пор не пойму, что меня удержало. Наверное, грязная вода в реке... Или мое отчаяние еще не достигло предела...

— Вы так сильно любили ее?

— До сих пор я сам не понимал, как сильно... — признался Тарханин. — Стена, которую я выстроил между мной и Улей, оказалась фикцией. Наверное, мужчина не имеет права быть гордым. Эта ничтожная блажь испортила мне жизнь.

Астра представила, как он ведет себя на работе: умный, напористый, быстрый, из тех, что сразу берут быка за рога. К женщинам относится с подчеркнутой вежливостью и скрытым презрением. Неудачный школьный роман положил начало комплексу неполноценности, породил страх получить новый отказ. Провал на любовном фронте Тарханин наверняка компенсирует карьерным ростом.

— Вы хорошо продвигаетесь по службе, — сказала она.

— А... да, — махнул он рукой. — Как вы догадались?

— Ясновидение!

В ее глазах вспыхивали искорки смеха.

— Только карьера — не главное. По крайней мере, для меня. Я не буду оригинален, если скажу, что хочу обыкновенного счастья. Столько лет уже потеряно...

— В чем же состоит наша задача? — осведомился Матвей.

— Понимаете, мне вдруг стало невыносимо без Ули. Я забыл о своей дурацкой гордости и пришел к ней, но не застал дома. Соседи рассказали мне, что после смерти мамы она живет одна. Работает журналистом фрилансером. Замужем не была, мужчин к себе не водит... во всяком случае жильцы ничего такого не видели. Я ужасно обрадовался! В выходной день я приехал к ее дому и сидел в машине, ожидая, пока она выйдет. Дождался. Она сильно изменилась за эти годы — другая прическа, одежда. Но я ее узнал. В первый раз подойти не посмел, приехал на следующий вечер — в ее окнах горел свет. Она поздно ложится спать... В общем, переломить себя оказалось сложно. Прошла неделя, вторая... Наконец я сделал это — дождался подходящего момента и подошел к ней. Поздоровался... Она смотрела на меня, как на абсолютно чужого человека! Сложилось впечатление, что она понятия не имеет, кто я.

— Вероятно, вы тоже изменились, — заметила Астра. — Повзрослели, сменили имидж.

— Безусловно. Однако я же назвался, а она продолжала недоумевать. Я объяснил ей, что мы учились в одном классе и даже испытывали друг к другу симпатию. Прошло несколько минут, прежде чем она выдавила: «Ах, это ты...» Я не уверен, что она вспомнила меня! Я пытался завязать разговор. Она отвечала односложно... нехотя. Каждое слово едва ли не клещами приходилось вытягивать из нее. По-вашему, это нормально?

— Должно быть, ваша Ульяна пережила стресс, у нее могло развиться душевное расстройство. Или частичная потеря памяти после какой-нибудь травмы. Вы ведь не знаете, как она жила все эти годы.

Молодой человек покачал головой.

— В остальном она выглядела вполне адекватно. Ухожена, добротнo одета — вещи на ней не кричащие, купленные в хороших магазинах. Она не стеснена в средствах, судя по всему.

Мимо их столика осторожной походкой прошествовала официантка, неся на подносе тарелки с дымящейся ухой. Аромат рыбы, лаврового листа и укропа на мгновение перебил все остальные запахи. Тарханин замолчал и проводил девушку взглядом. Он подбирался к главному, постепенно подготавливая то ли слушателей, то ли себя.

— Что было дальше?

— Я спросил, куда она направляется, предложил подвезти. Она колебалась, я уговаривал. Потом она согласилась, и мы поехали на набережную. Была суббота, кажется. Ясный солнечный день. Все цвело... Уля взяла с собой фотоаппарат — большой, дорожный, каким и пользуются профессионалы, — сказала, что собирается делать снимки для своей статьи.

— Она пишет статьи?

— Для женских журналов, с которыми связывается через Интернет. Уля, по ее словам, окончила журфак. Она еще в школе стремилась к свободе. Говорила, что не представляет себя штатным сотрудником, что сможет заниматься только творчеством и только по собственному желанию. Дисциплина претила ей. «Я вольный художник», — так она любила повторять.

— У вас есть основания не верить ей?

Тарханин ослабил узел галстука и глубоко вздохнул:

— Вроде бы нет... С другой стороны, чем больше я приглядываюсь к ней, тем сильнее меня одолевает странное чувство... Боюсь, вы сочтете ненормальным именно меня. Я бы на вашем месте сам так подумал. С тех пор, как я увидел Улю, меня терзают дичайшие мысли! Я забыл, что такое спокойный сон. Лягу и начинаю анализировать, сравнивать — ту Улю, которую я любил... и эту, новую... с фотоаппаратом и фальшивой улыбкой, будто приклеенной к ее губам. Знаете, от нее все так же пахнет мятой, как тогда, в нашей юности... Кое-что свидетельствует за Улю, а кое-что — против. И последнего больше.

— То есть... вы хотите сказать, что нынешняя Уля не та... или не совсем та, которая училась с вами в одном классе?

— Да! — словно в омут с головой бросился Тарханин. — Я никак не мог это произнести.

— Вы имеете в виду внешность?

— Отчасти...

— Сейчас пластическая хирургия стала более доступной. Женщины помешались на своей красоте и...

— Только отчасти! — перебил чиновник. — Некоторые качества ее характера тоже... претерпели изменения. Словно кто-то стер ее личность и загрузил иную программу... похожую, но иную. Кому-то необходимо, чтобы эту женщину принимали за Ульяну Бояринову!

— Зачем?

Он пригладил волосы, которые и без того лежали безукоризненно.

— Вот мы и подобрались вплотную к вашей задаче. Я хочу, чтобы вы выяснили, кому и зачем понадобилась такая... нелепая рокировка.

— Вы любите играть в шахматы? — спросила Астра.

— Что? А... немного увлекался в отрочестве. Забросил. Я поклонник подвижных игр, — футбол, баскетбол. Впрочем, мы отклонились от темы.

Справившись с самой тяжелой частью разговора, чиновник воспрянул духом.

— Вы утверждаете, что Ульяна — на самом деле не Ульяна, а кто-то другой? — уточнил Матвей. — Двойник? Это из области фантастики, простите...

— Вот причина, по которой я искал не просто детектива, а человека, способного вникнуть в ситуацию, разложить ее на составляющие, а не сходу отметить. Мне порекомендовали госпожу Ельцову. Признаться, я был удивлен, — он повернулся к Астре. — Однако поразмыслив, я пришел к выводу, что вы — подходящая кандидатура. Вы занимаетесь сыском не столько ради денег, сколько из любви к тайнам. Вы обладаете способностями, которые позволяют вам видеть то, что недоступно уму. Я прав?

Она пожала плечами:

— Не хочу вас обнадеживать, Игорь... Мои способности не простираются так далеко, как вы полагаете. Люди склонны приукрашивать действительность.

— Послушайте, вы беретесь мне помочь? Возможно, я сгущаю краски, возможно, я не в силах смириться с тем, что Уля изменилась, что она остыла. Что я сам остыл, черт возьми! Убедите меня в обратном, и я сниму перед вами шляпу.

— А вы не допускаете, что плохо изучили девушку, в которую были пылко влюблены? — спросил Матвей. — Любовь слепа! Многие годы вы рисовали в своем воображении идеал, а теперь разочаровались в нем, и это разбило вам сердце. Возвращаясь к старому, мы порой не находим того, что искали.

— Я не разочаровался. Я... впрочем, не важно... Чего я только не передумал за то время, пока пытался понять нынешнюю Улю, проникнуть в ее мир.

Она почти не отзывается на мои слова, отказывается вспоминать прошлое. Говорит, что со смертью матери былое для нее тоже умерло. Я не вижу в ней радости, не вижу и горя... Она какая-то неестественная, натянутая. Но стоит мне оставить ее в покое, как она оживает. Несколько раз я украдкой наблюдал за ее прогулками с фотоаппаратом. Она улыбается, ее походка и жесты становятся раскованными, она щелкает все подряд, не выбирая ни ракурса, ни стоящего вида...

Он повел руками в воздухе, выражая крайнюю степень недоумения.

— Вы разбираетесь в фотографии?

— Как все люди. Я полагаю, что фотограф должен делать снимки со смыслом, с каким-то эстетическим содержанием.

— Она журналистка, а не фотограф, — напомнил ему Матвей. — Прогулки с фотоаппаратом могут быть ее хобби. По-моему, вы придираетесь к женщине. Прошло без малого полтора десятка лет, вы оба уже не юные школьники!

Тарханин замолчал и уставился в свою тарелку. Он ничего не ел. Кусок осетрины остыл, соус подернулся пленкой.

Шумная компания за соседним столиком добралась до десерта. В маленьких чашечках дымился кофе. Женщина громко смеялась и пыталась выпить на брудершафт с одним из сидящих рядом мужчин.

— Вы возобновили свое ухаживание за бывшей одноклассницей? — спросила Астра.

— За Улей? — встрепенулся чиновник. — Вряд ли это можно так назвать. Я приезжаю, наблюдаю за ней из машины, как она выходит из дому или, наоборот, заходит... Когда я предлагаю ей вместе провести время, она вежливо отказывается... Изредка она садится в мою машину, и я везу ее в какой-нибудь тихий ресторанчик. Мы болтаем о разных пустяках.

Сначала она боялась меня, потом привыкла. Увидела, что я не опасен, — усмехнулся он. — В общем, наши отношения больше похожи на приятельские. Самое ужасное, что я не испытываю к ней никакой страсти, влечения: будто существуют две Ули, — эта и та, далекая, недоступная...

— У нее есть особые приметы... наподобие родимого пятна, шрама?

Молодой человек покачал головой:

— Нет. Возможно, на теле где-нибудь и есть, но мне об этом не известно. Мы не переходили граней приличия. Уля бы не позволила.

— А как насчет ее близких подруг?

— Она ни с кем не водила тесной дружбы. Я был единственным. Но в бане, как вы понимаете, мы вместе не парились. После выпуска она перестала общаться с одноклассниками — так же, как и я. Думаю, Уля не ожидала, что ее отказ выйти за меня замуж повлечет за собой полный разрыв. Она переживала это по-своему, я — по-своему.

— Вы намерены продолжать встречаться с ней? — спросила Астра.

— Да, — твердо заявил Тарханин. — Я должен разгадать этот ребус. Или мне придется идти на прием к психиатру. Чего я, кстати, не исключаю... Знаете, мне стало казаться, что за мной кто-то наблюдает.

— За вами следят?

— Когда я приезжаю к дому Ули, я начинаю чувствовать чей-то взгляд. Но не могу определить, откуда на меня смотрят. Это ведь тоже из разряда... психических расстройств. Мания преследования и прочее...

— Не обязательно, — сказал Матвей. — Бывает, соседи проявляют любопытство. Их хлебом не корми, дай в окно поглазеть.

Этот довод не успокоил Тарханина...

~ ГЛАВА 3 ~

... Змея кольцами обвивает могучее дерево... Вооруженные всадники преследуют дикого кабана, тот скрывается в тумане, который поглощает охотников — одного за другим... Мрачные своды замка, в очаге из каменных валунов горит огонь. Над огнем — богато изукрашенный серебряный котелок. В нем булькает ритуальное варево — угощение для богов и героев... Бронзовая русалка восседает на постаменте посреди круглого водоема... Карнавальная ночь на улицах Венеции. Танцы наряженных в маскарадные костюмы людей... Золотое блюдо с лежащей на нем отрубленной головой... Старинная усадьба проглядывает между деревьев, на фасаде — лепной декор в виде масок... Толпа ряженых сжигает на костре соломенное чучело... Обнаженные любовники в масках слились в объятиях на роскошном ложе... Россыпь Млечного Пути сияет на темном небе... Загадочно улыбается богиня Афродита, изваянная из мрамора. На ее волосах — венок из мандрагоровых цветов... Корова пасется на зеленом лугу... Повешенный раскачивается на виселице... Туристы окружили фонтан и бросают туда монетки...

Астра в очередной раз просматривала «флешку из тайника»¹, когда в комнату вошел Матвей.

— Опять? — возмутился он. — Ты знаешь каждый эпизод наизусть!

— Угадай, какой из них предвещает новое расследование? Куда вписывается история Тарханина и Ульяны?

¹ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

— По-моему, у парня проблемы с психикой...

— Погляди-ка на русалку! — как ни в чем не бывало, воскликнула она. — На ее рыбий хвост! Не зря Игорь Сергеевич назначил нам встречу в рыбном ресторане.

Матвей прыснул со смеху.

— Что да, то да. Ты забыла, дорогая, одну мелочь: мимо нашего столика проносили тарелки с ухой. А уху могли варить в котелке... Значит, эпизод с котелком имеет такие же шансы, как и русалка.

— Издеваешься?

Эту флешку Астра вынесла из горящего дома баронессы Гримм, вместе с венецианским зеркалом и корешком мандрагоры. Мнения Астры и Матвея по поводу любительского видеофильма, созданного сумасшедшим убийцей, расходились. Она считала разрозненные кадры проекцией будущего. Он — случайным набором зловещих картинок.

— Безумец ушел, но продолжает управлять нами посредством этого видео, — твердил Матвей. — Выбрось флешку и забудь о ней!

— Нельзя, — возражала Астра. — Отснятые на ней кадры указывают нам путь. Это подсказки.

— Куда же мы должны прийти, по-твоему?

— Не куда, а *к чему*? К новому пониманию себя...

Эпизоды странного фильма сопровождались песней без слов, высоким женским голосом пленительного тембра. Мелодия завораживала слушателя, увлекая его в мир мрачных колдовских грез. Астра утверждала, что кадры эти связаны с древнейшей разновидностью чародейства — магией древних кельтов, народа, канувшего в Лету, но оставившего после себя самые романтические из легенд.

— Раз флешка попала нам в руки, за этим что-то стоит.

— Или кто-то! — злился Матвей. — Кто сам свихнулся, а теперь хочет свести с ума других. Ты поддаешься!

— Я пытаюсь понять...

Их споры обычно заканчивались длительным перемирием на время очередного расследования. Слова Астры невероятным образом сбывались. Какой-нибудь полученный из видеофильма намек наводил ее на мысль, которая оказывалась ключом к раскрытию преступления. Она руководствовалась интуицией, тогда как Матвей привык к осознанному анализу. В ее действиях не было логики, но в результате они полностью себя оправдывали.

Он продолжал подтрунивать над ней скорее по инерции. Особенно из-за зеркала. Астра вообразила, что в зеркале из «венецианского» стекла живет двойник его владельца. Она часами сидела, вглядываясь в блестящую поверхность, покрытую желтоватой амальгамой. И порой измученный мозг выдавал именно то, чего она ждала, — образ похожей на нее женщины. Женщина якобы давала Астре советы, необходимые для успеха дела.

— Это твоё отражение, — посмеивался Матвей. — Ты разговариваешь сама с собой!

Для «энергетической подпитки» зеркала она зажигала десятки свечей и ставила их вокруг себя. Хотя, кто больше нуждался в подпитке от живого пламени — еще вопрос. Астра обожала огонь в любом его проявлении. Свечи, камин, горящие в печи дрова, костер, разведенный в лесу, — она бесконечно могла любоваться огнем.

В ее квартире на Ботанической улице были большие запасы свечей на любой вкус. Она покупала их коробками, упаковками.

— Значит, ты поверила этому Тарханину, — скептически улыбнулся Матвей, усаживаясь рядом

с ней на диван. — И теперь ищешь связь между его школьным романом и кельтской магией. Скажу прямо, я ничего подобного не вижу. Кроме рыбного ресторана...

Он сдержал смешок.

— Зачем кому-то подменять одну женщину другой?

— Никто и не подменял. Я больше чем уверен! На поверку окажется, что наш уважаемый госслужащий стал жертвой собственного разочарования. Оно слишком велико! Игорь Сергеевич не может поверить, что его незабываемая любовь исчерпала себя еще той давней весной. Он не находит в Ульяне былой милой девушки, которая покорила его сердце... и просто не в силах смириться с этим. Все мы в юности обожествляем предмет первой страсти. А жизнь разрушает пьедесталы и низводит наших кумиров до уровня обыкновенных людей, ничем не примечательных обывателей. Не каждый в состоянии *держатъ удар*.

— Тебе бы лекции читать молодому поколению — о вреде пылких чувств.

— При чем тут вред? Я говорю о душевной закатке.

Астра вспомнила собственное несостоявшееся замужество, измену и смерть жениха, и загрустила.

— Ну вот, я испортил тебе настроение!

В ее гостиной преобладали яркие тона: красный, желтый, зеленый. Она постоянно что-то меняла в интерьере. Как будто ей не доставало впечатлений. Должно быть, по той же причине она увлеклась частным сыском.

— С какого конца ты собираешься распутывать этот клубок? — спросил Матвей, чтобы отвлечь ее от печальных мыслей. — Заметь, речь идет о молодой женщине, а не об отшельнике, который ни с кем не общает-

ся и которого никто не видит. Соседи первые бы забили тревогу, будь что-то не так. Эта Ульяна выросла среди них, ходила в школу, жильцы дома знали ее мать...

Он сам сообразил, какую ерунду говорит. Времена нынче не те, что раньше. Никому ни до кого нет дела.

— Мне нужно прогуляться по той улице, почувствовать кто чем дышит, — сказала Астри. — Кто там живет, что за люди. Понаблюдать за самой Ульяной. Хотя бы издали...

— Тарханин-то ее узнал, выходит, она не так уж изменилась.

— Жаль, что она «вольный стрелок». Коллеги порой знают о человеке больше, чем соседи. Люди продают квартиры, переезжают, умирают... В подъезде остается один-два старожила.

— В лучшем случае, — выразил свой пессимизм Матвей. — Боюсь, мы не найдем толкового собеседника. Позвони-ка ты Борису, пусть тот пробьет по полицейской линии, по ЖЭКу...

* * *

Ему показали ее в ночном клубе «Мустанг», — заведении не слишком роскошном, но вполне приличном. Интерьер в духе американского ранчо: деревянная отделка, на стенах — степные пейзажи, оживленные табунами диких лошадей, и жанровые сценки: стрижка овец, состязания ковбоев. Персонал, облаченный в ковбойские штаны и сапоги. В баре — пестрая батарея любимых ковбоями крепких напитков по сумасшедшим ценам.

Она сидела за столиком со скучающим видом.

— Настоящая леди. Одинокая и грустная! — игриво подмигнул ему бармен, смешивая коктейль. — Рискните, мистер...

Он брезгливо поморщился. Фамильярность была ему не по душе. Они тут прикидываются американцами, и выглядит это довольно смешно.

Девушка была одета в потертые джинсы и клетчатую рубашку, красный шейный платок подчеркивал нежную белизну ее кожи.

— Разрешите?

Она подняла густо покрашенные глаза и улыбнулась. Мужчина удовлетворял ее требованиям — не желторотый юнец, который шикует на родительские деньги, а вполне самостоятельный мэн, крепко сбитый, уверенный в себе, опытный в обращении с дамами. На лице — легкая модная щетина и ни тени смущения. Можно знакомиться.

— Марк, — непринужденно представился он. — Вот, решил развеяться... Составите компанию?

— Присаживайтесь...

— Как вас зовут?

— Люси...

Она не умела вести заумные беседы, поэтому ограничивалась короткими репликами. Интеллект — далеко не главное достоинство женщины. Но все же не стоит сразу выставлять напоказ его отсутствие.

— Эй, парень! — Марк подозвал официанта. — Принеси-ка нам фирменный коктейль!

— «Всадник без головы»?

— Прикольно, — захихикала девушка. — Я тут всего третий раз, еще не пробовала...

— Напиток сбивает с ног лошадь, — заученно пошутил официант. — Для дамы лучше взять...

— Я сам знаю, что лучше! — оборвал его Марк и повернулся к Люси. — Вы хотите «Всадника без головы»? Вижу, что хотите. В некоторых случаях потерять голову даже приятно...

В его словах и усмешке сквозила фривольная двусмысленность. Люси не обольщалась на его счет.

Она пару раз обожглась на таких клубных знакомствах и теперь смотрела на мужчин более трезвым взглядом. Если повезет, знакомство продолжится, а нет — она не намерена проливать горькие слезы. Хватит с нее развода. При ее субтильных формах и плоском животике потерять три килограмма — нешутливое дело. Именно столько «живого веса» ушло у нее при расставании с мужем.

Предприимчивая провинциалка, Люси сделала в Москве головокружительную, по меркам ее родного Зарайска, карьеру — от рядовой работницы фирмы добрых услуг до супруги молодого респектабельного столичного чиновника. То ли подъем оказался чрезмерно высоким, то ли судьба вздумала посмеяться над Люси, но ей пришлось быстро спуститься с неба на землю. Муж стремительно охладевал к ней, и через год брака он уже разговаривал с ней сквозь зубы и оттаивал только в постели. Однако неутомимая в сексе Люси и тут потерпела фиаско. Напрасно она изводила себя диетами, морила голодом и мучила тренажерами. Ее худоба, вместо того, чтобы привлекать, отталкивала супруга. В конце концов он обвинил ее в расточительстве, глупости и подал на развод. Люси сопротивлялась недолго. Решила, что надо выжать из неудавшегося брака все возможное и начинать новую жизнь. Еще два-три года, и время сведет на нет ее шансы обзавестись обеспеченным мужем.

Возвращаться на старое место работы она сочла ниже своего новоприобретенного статуса. Хотя сам он был потерян, Люси продолжала вести жизнь, к которой успела привыкнуть. Благо, бывший муж сжалился и оставил ей немного денег: с тем, что удавалось получить от скороспелых любовников, на праздную жизнь пока хватало. Однако серьезные отношения не складывались. Один поклонник бросил

ее, другого она сама прогнала... словом, на личном фронте Люси пошла черная полоса.

Она меняла места охоты — там, где ее уже знали, появляться с определенной целью становилось неловко. Бывших знакомых она избегала по той же причине. Клуб «Мустанг» привлек Люси простотой «дресс-кода», — здесь можно было обойтись без дорогостоящих нарядов. Ковбойский стиль не требовал больших затрат.

— О чем задумались? — спросил Марк.

Люси встрепенулась и внутренне обругала себя. В кои-то веки попался нормальный мэн, а она удралась в воспоминания.

Между ними завязался обычный разговор — о погоде, о том, где лучше провести отпуск: в Европе или на островах. Люси робко кокетничала, дабы сразу не отпугнуть потенциального ухажера. Он ни о чем ее не расспрашивал и о себе не распространялся. Она последовала его примеру, сознательно избрав подражательное поведение. Так было проще. Ей надоело попадать впросак.

«Всадник без головы» оказался крепким напитком. Сделав несколько глотков, Люси захмелела. Мужчина напротив улыбался, откровенно поглядывая на ее грудь. Слава богу, за размер ей краснеть не приходится. То, чем обделила природа, теперь легко восполнить за деньги. Будь у нее бюст, как сейчас, муж бы ее не бросил!

Когда Люси пьянела, мысль о муже появлялась сама собой, словно чертик из табакерки. Хорош был, мерзавец! И деньги умел зарабатывать, даром, что на государственной службе. Впрочем, этот, кажется тоже ничего...

Люси невольно пришло на ум знакомство с бывшим мужем. Это случилось на Рождество, в ресторане. Она была Снегурочкой — приехала от фирмы по

вызову вместе с Дедом Морозом развлекать публику. В свои двадцать Люси выглядела на шестнадцать: юная, светлокочая, светлоглазая, светловолосая, с трогательным румянцем на нежных щеках, с розовыми нетронутыми губами, в платье из синего атласа, расшитом серебром и стразами, в шапочке с белой опушкой...

Будущий супруг много выпил. Черт знает, кого он в ней тогда увидел — девочку-Снегурочку, дочь Весны и Мороза или воплощение чистой любви. Она подыгрывала ему, как могла, как получалось. Наверное, он влюбился не в нее, а в принцессу из снежного царства, холодную и неприступную. Ему лестно было растревожить ее ледяное сердце, разгорячить ее кровь... Из ресторана они поехали к нему, провели восхитительную ночь, полную страсти и сумасшедших признаний. Снегурочка молчала, как ей и было положено, и, боясь своего счастья, сдержанно принимала пылкие ласки возлюбленного. За окнами шел густой снег. Они пили шампанское и закусывали черным виноградом. Наутро он сделал ей предложение, она ответила согласием. Вряд ли оба понимали, что делают. Их закружила, заморочила рождественская сказка, сентиментальная вера в чудо...

До самого момента обмена кольцами, Люси не верила, что все происходит наяву. Потекли супружеские будни — день за днем, ночь за ночью. Она ждала темноты и боялась дневного света. При свете они казались такими разными — муж и жена.

— Хочешь, я устрою тебя на работу? — как-то вскользь предложил он. — Секретаршей в какой-нибудь департамент?

— Почему не в твой? — удивилась она.

— Зачем же мне позориться? Извини, детка, но ты двух слов связать не можешь и пишешь, вероятно, с ошибками!

Она засмеялась, потому что он попал в точку. Тогда на его лице впервые появилось выражение брезгливого недоумения...

— С вами все в порядке? — Марк наклонился через столик, обдавая ее запахом «Дживанши».

— Да-да... — очнулась она. — Просто коктейль ужасно крепкий... Я, кажется, не смогу подняться...

Люси сделала еще глоток и попробовала встать на ноги. Ее хохот потонул в звуках банджо, которое терзал джазмен в ковбойской шляпе.

— Отвезти вас домой?

Марк чуть ли не на руках вынес ее на улицу. Стояла тихая летняя ночь. В траве стрекотали сверчки. На парковочной площадке двое мужчин курили, беседуя вполголоса. Город, расцвеченный огнями, жил своей тайной и порочной жизнью. Люси едва соображала, что с ней происходит...

— Я... вас... совсем не знаю... — выдавила она.

— Это легко исправить.

— У меня... голова... кружится...

Он усадил ее в машину и завел двигатель.

— Говорите адрес...

Если бы Люси была чуть трезвее, она бы испугалась. Незнакомый человек везет ее неведомо куда...

~ ГЛАВА 4 ~

Суздаль, XVII век.

Покровский женский монастырь

Разве думали, гадали ее родители, какая злая доля выпадет их любимой дочери? Вместо царственного мужа — постылый насильник; вместо золотого венца — монашеское покрывало; вместо счастья и радости — горе и слезы; вместо при-

вычной роскоши — нищета; вместо почета — посрамление и поругание; вместо славы — забвение...

Даже имя у нее отобрали, нарекли при постриге Ольгой. Все минуло, кануло, сердце облилось кровью, запеклось, окаменело. К прежнему возврата нет и не будет. Недолго уж осталось ей томиться душою и телом, скоро прекратятся ее страдания: придет за ней смерть. Не разлучница — долгожданная посланница милосердных небес, что соединит ее навеки с теми, кого она любила. С дорогим батюшкой, с ласковой матушкой, с милым братцем, с красавцем женихом...

В сумрачной келье холодно — едва греет маленькая жаровня с углями, присланная из милости Шуйским¹. Но это не спасает от пронизывающей сырости. А может, совсем остыла душа старицы Ольги, бывшей царевны Ксении Годуновой, злополучной дочери царя Бориса...

Выросла она у подножия трона, в неге и холье, в шелках и бархате. Расцветала, осознавая незавидную участь русских царевен. Выдать их замуж за иноверца — для московского государя грех, а православного жениха не сыскать, чтобы по происхождению своему был достоин руки царской дочери. Вот и сохли высокородные девицы в изукрашенных светелках, укрывались от мира в тихих обителях. Печальной чередой проходили они, безвестные, безгласные, по свету, и исчезали во тьме веков... Воистину, родиться в порфире еще не значит вкушать наслаждений земных!

Иную судьбу сулила Ксении переменчивая fortuna. Отец ее, став царем, сразу начал искать

¹ Здесь — Василий Шуйский, русский царь (Василий IV) в 1606—1610 годах.

иноземного принца — в женихи образованной и прелестной отроковице. Бог наделил Ксению и умом, и красотой. Ни мала ни велика, стройна, лицом румяна, черноглаза и черноброва, с длинными пышными волосами, заплетенными в косы, с телом будто из сливок, «млечною белостию облянна» — настоящая красная девица из народных сказаний. При том она была обучена чтению, письму и музыке, знала латынь, ездила верхом и умела танцевать. Борис Годунов, мечтая устроить счастье единственной дочери, вел переговоры с правящими домами Западной Европы.

Звездочеты, коих он созвал на тайный совет, предсказали ему, что он будет царствовать всего семь лет.

«Хоть бы семь дней!» — воскликнул честолобивый Годунов. Шапка Мономаха грезилась ему днями и ночами, жажда самодержавной власти затмевала рассудок. По сути, он и без царского венца управлял государством Московским при физически слабом Федоре Иоанновиче¹. Пока царь молился и самолично пел на клиросе, Борис делал все, что положено делать монарху, пекущемуся о благосостоянии своих подданных. Со смертью «постника и молчальника» Федора оборвалась линия Рюриковичей. Борис Годунов, — «худородный боярин», — завладев троном, не мог чувствовать себя уверенно. Породнившись с законным отпрыском европейской королевской династии, он надеялся упрочить свое положение. Отчасти этим объяснялась его одержимость «достать» для царевны знатного жениха. Русские бояре ка-

¹ Федор I — второй сын Ивана Грозного, женатый на сестре Бориса Годунова Ирине. Последний легитимный наследник трона из династии Рюриковичей.

зались ему холопами, недостойными руки Ксении. Эх, кабы знать, что ждет впереди!

Сватовство не ладилось. Царь настаивал, чтобы жених принял русскую веру и жил в России, обещая дать в приданое за дочь Тверское княжество. Первым претендентом оказался шведский принц Густав. Ксении показали его портрет — она была разочарована. Да и Густав не оправдал ожиданий: он наотрез отказался менять вероисповедание и продолжал вести разгульный образ жизни. Его любовница ездила по Москве в карете, запряженной четверкой белых лошадей, как полагалось ездить только царицам. Бояре роптали, московский люд указывал на нее пальцами. Оскорбленный Борис разорвал помолвку и отправил принца в Углич, назначив ему денежное содержание. Такой человек не мог стать его зятем.

Ксения сидела в тереме, с тоской глядела на маковки кремлевских храмов, представляла, как в жемчугах и платье вишневого бархата ступает она по парчовому ковру, как празднично звонят колокола, как гостеприимно распахнуты двери Успенского собора, освещенного сотнями свеч... Ее сердце сладко замирало в груди, дыхание учащалось, а щеки горели алым румянцем. Неведомый, но «зело чудный образом» благородный юноша преклонял колени и подносил ей богатые свадебные подарки, его глаза светились любовью и восхищением...

Прошли три долгих года. Царедворцы перешептывались: «Рано вянет девичья красота, стареет царевна... Засиделась! Кто ее теперь возьмет за себя?»

Всего-то двадцатый годок пошел Ксении, она вызрела в царских покоях, будто драгоценный

плод, достигла полного расцвета. А ее уж называли старой девой...

Батюшка ее между тем неустанно хлопотал, и хлопоты его не остались втуне. Датский король Христиан согласился отпустить своего брата в далекую Московию. Герцог Иоанн должен был навсегда поселиться в уделе, назначенном ему тестем. Корабль принца благополучно пересек Балтийское море, и тот сошел на берег в сопровождении многочисленной свиты. Его путь до Москвы был обставлен с подобающей пышностью: на каждой остановке датчан угощали медом и обильными яствами, при въезде в города палили пушки, и ратные люди выстраивались в ряд, дабы отдать честь высокому гостю. Кортеж делал не более тридцать верст в день, герцог развлекался охотой, любовался просторами незнакомой земли. Перед ним расстилалась бескрайняя загадочная Россия, где ему предстояла встреча с царственной невестой...

Он проехал Новгород, Торжок, Старицу. Приставленные к чужестранцу боярин Салтыков и дьяк Власьев рассказывали о житье-бытье и обычаях московитов. Царь прислал в подарок будущему зятю расписной деревянный возок с дорогой обивкой, породистых лошадей для упряжки и одежду, расшитую золотом и самоцветными камнями.

Москва встретила жениха Ксении оглушительным колокольным звоном и толпами любопытных. В Китай-городе для него заранее приготовили лучший дом, устлали коврами, заставили богатой утварью. Велено было обеды принцу и его дружине ежедневно подавать из царской кухни «на тридцати золотых блюдах и множество соудов с вином и медом».

Царь Борис и царевич Федор, брат невесты, на пиру обнимали датчанина как родного, усадили возле себя, потчевали разносолами: и дичью, и пирогами, и прочими яствами. Бракосочетание решили отложить до зимы. Царская семья собиралась отправиться на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, как полагалось перед важным событием.

Ксения, которой нельзя было появляться на пиру, поднялась в верхний коридор трапезной палаты и оттуда незаметно наблюдала за женихом. По русскому обычаю невеста до свадьбы не могла видеть суженого лицом к лицу. Иноземец сразу ей приглянулся. Молодой, красивый, статный, с горделивой осанкой, одетый в европейское платье, герцог Иоанн выгодно отличался от бородатых бояр, которые неопрятно ели и слишком много пили. Было в нем еще что-то, запавшее в душу царевны с первого взгляда... Кровь ее взывала, быстрее побежала по жилам, сердце затрепетало. Так вот, каков он, избранник, который поведет ее к венцу! Вот для кого берегла она себя...

Томительное и ужасное предчувствие сжало ей грудь, она начала задыхаться. Королевич, странным образом ощутивший ее присутствие, поднял глаза... Ксения отшатнулась, отступила вглубь коридора, сжала губы, чтобы сдержать рвущийся из горла крик. Раненой птицей упала на руки матери. Царица Марья тоже была тут, придиричиво рассматривала зятя, искала изъяны. Хорош был датчанин, ничего не скажешь...

— Что с тобой? — испуганно склонилась она над Ксенией. — Сомлела, голубка кроткая... Аль жених не по нраву?

МОСКВА. НАШЕ ВРЕМЯ

Дом на Тихвинской улице, где проживала Ульяна Бояринова, был пятиэтажным, без лифта, построенным, вероятно, полвека назад. Во дворе росли липы и старые кусты сирени. Сирень отцвела, листья лип казались влажными, клейкими. Несколько удобных деревянных лавочек помещались в тени деревьев, на одной дремала старушка в панаме.

Астра присела рядом, достала из сумки фотоаппарат и принялась щелкать. Соседка встрепенулась, открыла глаза и с интересом покосилась на нее из-под полей линялой панамы.

— Ты кто будешь, дочка?

— Корреспондент газеты «Заповедные уголки Москвы», — без запинки выпалила Астра. — Готовлю фотовыставку. Ищу дома и дворы, связанные с историей нашего города.

Старушка с сожалением вздохнула.

— У нас нет ничего примечательного... Никто из знаменитых людей в нашем доме не жил. Никакой исторической ценности он не представляет. Типовая послевоенная застройка. А вот ремонт не мешало бы сделать. Гляди, стены облупились, и в подъездах безобразие. Ты все сфотографируй! Вдруг, у наших начальников совесть проснется...

Астра послушно выполнила ее просьбу. В подъездах, которые показывала ей пожилая дама, на стенах местами обсыпалась штукатурка, плитка на площадках потрескалась, окна были грязными. Щелчки фотоаппарата отзывались гулким эхом в лестничных пролетах.

— Ты людей тоже снимаешь или только дома?

— Могу и людей, — кивнула Астра.

Старушка поправила выбившиеся седые волосы и приосанилась.

— А меня можешь снять для выставки? Я тут, почитай, лет сорок живу! Я ветеран войны, у меня и награды есть. Хочешь, покажу?

Она пригласила Астру в просторную квартиру на первом этаже, полную книг и воспоминаний. Повсюду — полки с тисненными корешками разноцветных томов, стопки толстых журналов, портреты в рамках. Молодой военный в летном шлеме стоит у крыла самолета, санитарка с огромной медицинской сумкой через плечо застенчиво улыбается в объектив...

— Библиотеку мой покойный муж собирал, — сообщила старушка. — Очень он книжки любил. Рука не поднимается продать. Вот когда умру, пусть дети решают, как с ними быть.

— Это вы? — Астра показала на черно-белое фото санитарки.

— Я... Летом сорок третьего года, Курская дуга. Девчонка еще совсем... Ты садись, дочка, за стол... чай пить будем.

К чаю, Антонина Федоровна, — так звали гостеприимную хозяйку — подала пышки и малиновое варенье.

— Прошлогоднее, — объяснила она. — Ягоды не покупные, с собственной дачи. Ты ешь, ешь, не брезгуй...

— Как же вы на даче управляетесь?

— С трудом. Слава богу, дети помогают...

Они разговорились, словно две давние подружки, — разница в возрасте стерлась. Старушка рассказывала о войне, Астра слушала, угощалась вареньем и гадала, как бы плавно перейти к вопросу об Ульяне Бояриновой.

— В вашем доме, кажется, живет одна журналистка. Я ее статью читала и снимки видела. Она любит фотографировать уголки старой Москвы.

— Кто ж такая-то?

Астра наморщила лоб, делая вид, что пытается припомнить.

— Бояринова... Ульяна... если не ошибаюсь...

— Ах, Улька! — просияла старушка. — Она разве журналистка? Тунейдка! На работу не ходит, болтается по улицам со своим фотоаппаратом... И на что только живет? Пока мать была, небось, ее пенсию проедала. Та в гроб-то и легла с горя. Ульке все лучшее — и самый сладкий кусочек, и обновку, и то, и се... А доченька по кривой дорожке пошла! Не в мать уродилась, в отца. Тот ребеночка сделал Надежде и был таков. Не про него, вишь, семейную лямку тянуть. Всю жизнь Надя, бедолага, одна промучилась, дочку подняла, на ноги поставила, выучила. На копейки перебивалась, во всем себе отказывала, лишь бы Уленьке было хорошо. Она ведь ее поздно родила, уже в возрасте.

Антонина Федоровна насупилась, как будто непутевая Ульяна была ее дочерью, а не покойной соседки.

— Все потому, что больно баловала Надежда свою девку, — вынесла она суровый вердикт. — По-такала всем ее прихотям. У той еще молоко на губах не обсохло, а она уж с парнями обнимается — прямо во дворе! Усядутся на скамеечку и воркуют, что твои голубки... Срам! Я говорила Надежде: гляди, как бы она тебе в подоле не принесла. Хоть в этом повезло ей, горемычной. Улька в учебу ударилась, целыми днями то в университете пропадала, то к занятиям готовилась, а парня своего прогнала, одна осталась. Потом-то закончила, диплом получила, а счастье свое поморгала. До сих пор безмужняя ходит. На-

дежда сильно переживала за нее — позовет, бывало, меня на чай, и давай душу изливать. Несчастливые, говорит, мы, Бояриновы: что у меня судьба не сложилась, что у дочери. Ей уж скоро тридцать, а жехниха все нет и нет. И с работой не клеится... Очень она у меня своенравная выросла, гордая. Таких не любят.

Астра сделала несколько фотографий словоохотливой старушки. Та достала из лаковой шкатулки ордена и медали, стала показывать, сопровождая каждую награду драматической историей.

— Кто еще давно проживает в вашем доме? — вскользь поинтересовалась гостя. — Я бы их тоже сфотографировала.

— Нету больше никого... Подруга моя, Зинаида, скончалась три года назад, другие тоже умерли, остальные разъехались кто куда. Из старых жильцов в нашем подъезде только я, Трошкины да Ульяна. Только какие Трошкины ветераны? Им еще до пенсии далеко. Они ничего не застали, ни войны, ни разрухи послевоенной.

— Я бы с ними все-таки побеседовала.

— Сейчас не получится, — ревниво поджала губы старушка. — На работе они, а сын в школе. Ты, дочка, зря время потеряешь. Чего Трошкины расскажут-то? Как соседей залили? Как ихняя собака Сеньку со второго этажа покусала?

Она ни словом не обмолвилась о странностях в поведении Ульяны. Выходит, та не вызывала у старожилки никаких подозрений.

— Жаль, что Надежда Бояринова умерла. Она, наверное, могла бы поделиться интересными воспоминаниями! — «огорчилась» Астра.

— Да, жалко Надю... Болела она в последнее время, почти не выходила из квартиры. Похороны были скромные, едва десяток людей набралось. Несколь-

ко соседей, остальные незнакомые — бывшие друзья Надежды, видать. Ульяна плакала, аж опухла вся. Дошло до нее, что такое без матери-то остаться! До сей поры не в себе будто...

— Что значит, «не в себе»?

Антонина Федоровна долго думала, прихлебывая чай.

— Как в облаках витает, не видит никого. Если поздороваешься, ответит, а не поздороваешься... После похорон она даже внешне изменилась, — похудела, осунулась, волосы подстригла. У нее были длинные, а теперь до плеч и собранные в узел.

— У нее есть подружки?

— Улька всегда была замкнутая, себе на уме. Кажется, ей и не нужен никто. Я имею в виду, с девчонками она не водилась. Выйдет во двор гулять и бродит кругами, то в одну сторону, то в другую. Кошку подберет приبلудную и шепчет ей что-то — разговаривает. В школе, правда, хорошо училась, в университет поступила. А подруг как не было, так и нет.

— А мужчины? Есть у нее кто-нибудь?

— Она рано начала с парнями любовь крутить, — неодобрительно покачала головой старушка. — Говорю же, сядут на лавочку и обнимаются, бесстыжие! Мало ли, чем еще занимались? Может, и переспали. А потом разошлись, как в море корабли. Видно, Надежда крепко за дочку взялась, держала ее в ежовых рукавицах, чтобы больше ни с кем ни-ни! Или та сама одумалась. Я ведь подрубокостей не знаю... Вдруг Ульке пришлось аборт делать? В жизни всякое бывает. Только с того времени я ее ни с кем не видала. Надежда уж и не рада была. Не хочу, говорит, чтобы дочь по моим стопам пошла. А куда денешься-то?

— Значит, Ульяна совсем одна?

— Вроде бы так. Но вот что я заметила. У нее обновились стали появляться! Откуда, спрашивается? То пальтишко новое, то сумка, то платье. У меня глаз-алмаз. Я Улькин гардероб наперечет знаю. Вещи она покупает скромные, неказистые. А тут вдруг такой шик! Нигде постоянно не работает, денег нет, а за квартиру платит исправно, одевается хорошо, на продуктах не экономит — набирает все, что приглянется. Мы же в одном супермаркете отовариваемся, во-о-он, за углом, у остановки. Еще она дверь поменяла — старую деревянную на бронированную.

— Многие журналисты неплохо зарабатывают, — сказала Астра.

— Это Ульяна-то журналистка? Да она дома сидит целыми днями или по городу шатается... Я как в поликлинику еду на процедуры, так и вижу из троллейбуса, — шагает она по улице, витрины разглядывает! Журналистка...

— Статьи можно писать дома. А потом отсылать в разные издания.

— Нет, — строго произнесла Антонина Федоровна. — Если она раньше и писала, то после смерти матери совсем от рук отбилась. Я думаю, уж не на панели ли промышляет девка? Все на то указывает. И обновились, и... все!

Она наклонилась и понизила голос:

— Уже несколько раз в наш двор незнакомая машина приезжает и стоит подолгу... Не иначе, кавалер Ульку поджидает. Машина темно-зеленая, блестящая, новая... уйму деньжищ стоит! Я когда из окна выгляну, когда во дворе гуляю — и вижу: опять прикатил. Пару раз Улька к нему подсаживалась, и они уезжали. Ясно, куда! В гостиницу или к нему домой...

Старушка подробно описала автомобиль господина Тарханина. Она даже номер запомнила.

— А с кем-нибудь из соседей Ульяна поддерживает отношения?

Бывшая санитарка склонила голову набок и уставилась на гостью пронизательным взглядом:

— Что ты все про нее спрашиваешь? Может, неспроста сюда явилась? Не дворы фотографировать, а про Ульку разузнавать?

Астра предусмотрела такой поворот и «вынуждена была признаться», что она действительно интересуется Ульяной Бояриновой.

— Значит, моего портрета на выставке не будет? — разочарованно протянула старушка. — И ремонта нам в подъезде не сделают?

— Почему же не сделают? Снимки я вам принесу, а вы их приложите к жалобе, которую напишете на нерадивых коммунальщиков. А в конце обязательно укажите, что вы ветеран войны и перечислите свои награды.

Антонина Федоровна оживилась. Она долго выпытывала, кому лучше адресовать жалобу — градоначальнику или самому президенту.

Чай остыл. Астра собралась уходить.

— Засиделась я у вас. Пора и честь знать. Спасибо за помощь...

— Ты, случайно, не жена этого... который на машине приезжает? — хитро прищурилась старушка.

— Я его сестра и действительно работаю корреспондентом в газете. Вот решила выяснить, с кем мой брат проводит время. Не нравится мне все это!

— Правильно! Улька хорошему мужику — не пара. Странная она какая-то, непонятная. Никогда не остановится, не поговорит по душам, не спросит, как у меня дела. А ведь я ее сызмальства знаю, сопливой девчонкой по двору бегала... После похорон матери Ульяна окончательно от всех отгородилась.

Едва глаза поднимает при встрече. И все торопится, торопится, будто опаздывает куда-то...

— Можно, я еще приду? — спросила Астра. — Только вы обо мне никому не говорите. Брат узнает — рассердится, обидится. Он очень ранимый.

Старушка с видом заговорщицы кивнула:

— Я умею хранить тайны...

* * *

Игорь Тарханин не испытывал недостатка в женском внимании. Ему ничего не стоило завести знакомство, закрутить любовную интрижку с какой-нибудь молодой девушкой — в ночном клубе, например, или на вечеринке, куда его наперебой приглашали друзья-приятели. Некоторые даже брались его сватать. Он был завидным женихом — свободным, привлекательной наружности и при должности. Перспективным, как теперь принято говорить.

С женой Игорь расстался без сожалений. Она прекратила попытки к примирению, когда поняла, что он непоколебим, и пустилась в поиски нового претендента на руку и сердце. Ее не обремененная мыслями ветреная головка нуждалась в надежном плече, куда ее можно было бы приклонить. Миниатюрность, белые кудряшки и пронзительный голос жены ассоциировались у Тарханина с болонкой. Даже имя Людмила она переделала на «собачий» манер, — Люси. После развода Люси сделала себе операцию по увеличению груди, так как решила, что муж бросил ее по причине недостаточно пышных форм.

Она и помыслить не могла, в чем кроется истинный повод. Далекий от сантиментов, прагматичный Тарханин не может забыть свою первую любовь! Если бы кто-то сообщил об этом Люси, на ту напал бы

истерический хохот. Слово «любовь» существовало в ее лексиконе исключительно потому, что нравилось мужчинам. Они хотели любви, а Люси могла предложить им только хороший секс.

— Чем ты недоволен? — искренне недоумевала она, когда муж объявил о разводе. — Я тебе не изменяла, клянусь! Я хоть раз отказала тебе в постели?

— Ты слишком много тратишь денег, — брякнул он, только чтобы она отстала. — Ты транжира, Люси. И плохая собеседница. Я со скуки умираю, слушая твои бредни. Квартира завалена твоими тряпками, косметикой и глянцевыми журналами. Примитивизм выходит из моды, детка! Мне пора позаботиться о своем имидже. Вдруг, я решу баллотироваться в парламент?

Он внутренне заливался смехом. Жена смотрела на него, хлопая длинными накрашенными ресницами. При слове *парламент* она зевнула, прикрыв алые губки тонкими пальчиками.

— Ты белоручка! — добавил Игорь. — Меня тошнит от твоей ежедневной яичницы!

Он бил без промаха. Люси краснела, бледнела, снова краснела... Зато он наслаждался ее удрученным видом. Еще бы, такой жирный карась сорвался с крючка! Впору волосы на себе рвать.

Когда Люси съехала, он вздохнул с облегчением. И уже на следующий день забыл о ней. Пришлось отдать ей однокомнатную квартиру в Химках, где он держал жильцов, — за глупость надо платить.

Отделавшись от Люси, Тарханин почувствовал себя помолодевшим и полным сил. Она здорово тянула из него соки. Находиться изо дня в день рядом с чужим человеком, оказывается, утомительно — будто нести в гору ненужный груз.

Окружающие наперебой начали предлагать Тарханину знакомства с женщинами, в том числе и ро-

дители. Мама несколько раз заговаривала о «девочке из хорошей семьи».

— Я не хочу жениться! — отмахивался он. — Мне хватило Люси. Я сыт по горло семейной жизнью!

Это была правда. Он не помышлял о семье, он мечтал об Уле, о тех теплых весенних днях, когда они гуляли до темноты, забросив учебники, не думая об экзаменах. Та сирень, залитая лунным светом, которую он ломал для нее, те первые сладкие поцелуи на лавочке в ее дворе, вопреки всему запали ему в душу, отравили всю его жизнь...

Возвращаясь к Уле, он возвращался к самому себе. Он еще не знал, что не существует обратного пути.

Новая Ульяна, с которой начал встречаться Тарханин, все меньше напоминала ему девушку его юности. Впрочем, их отношения скорее походили на пробные шаги. Он пытался вызвать в ней ностальгию по прошлому, она вяло сопротивлялась. Вот и сегодня она наотрез отказалась пригласить его к себе на чашку чая.

— У меня не убрано, — отнекивалась она.

— Давай сходим в кафе, — настаивал он. — Поужинаем. Я голодный, как волк.

— А я на диете...

— Закажем что-нибудь диетическое, — неуклюже шутил Тарханин.

Он вышел из машины и загораживал ей дорогу к подъезду. Уля стояла, поглядывая по сторонам. Она избегала смотреть ему в лицо, в глаза. Одетая в легкое летнее платье, она продрогла.

— Возьми мой пиджак...

— Нет, спасибо! Я лучше пойду.

— Раньше ты не могла меня пригласить домой из-за матери. А сейчас?

— Что было, то прошло. Где ты был все эти годы, когда мы с мамой перебивались на гроши? Потом

она болела, а я работала с утра до ночи, чтобы покупать лекарства и платить врачам. Потом она умерла... Уходи, Игорь, оставь меня в покое...

— Я не виноват в смерти Надежды Порфирьевны.

— Куда ты пропал после выпуска? Я ждала, что мы вместе будем поступать в университет, что ты поможешь мне готовиться...

— Ты не захотела стать моей женой. Почему?

— Мы оба были детьми, Игорь! Что тебе мешало просто любить?

Он растерянно молчал. Та Уля не имела привычки упрекать его в чем-либо. Возможно, он не давал повода. Тогда все было проще.

Темнело. Собирался дождь. В сыром воздухе пахло мятой. Этот аромат шел от Ули — в ее карманах, вероятно, полно мятных конфет. Впрочем, у нее нет карманов.

Тарханин отметил, что ее стильные босоножки и сумочка одного цвета, из мягкой кожи, — он знал, сколько стоят такие вещи. Видимо, статьи, которые она пишет, пользуются спросом и хорошо оплачиваются.

«Это она! — думал Тарханин, глядя на ее талию, обтянутую желтым шелком платья. — Напрасно я сомневался. Или не она? Неужели я схожу с ума? Не похоже... Я по-прежнему прекрасно справляюсь с работой, нормально общаюсь с людьми, решаю вопросы. Все мы — пешки в руках времени. За четырнадцать лет я сам стал другим. Меня не узнать!»

Первые капли дождя падали на асфальт, оставляя темные пятна, шумели в листьях старых лип. Порыв ветра растрепал волосы Ули.

— Мне холодно, Игорь, — сказала она. — Да и ты промокнешь... Пока!

Она повернулась и быстрой походкой направилась к подъезду.

Он смотрел ей вслед, пока она не исчезла за дверью. В окне первого этажа колыхнулась занавеска, мелькнуло лицо старухи...

Тарханин, ощущая на себе пристальный взгляд, сел в машину и завел двигатель...

~ ГЛАВА 5 ~

Суздаль, XVII век.

Покровский женский монастырь

День за днем проходила перед старицей Ольгой вся ее жизнь. Беззаботное детство, сладостная юность, тревожное ожидание замужества...

Жарко, истово молилась царица Ксения в Троицкой обители, просила себе любви, счастья с молодым герцогом Иоанном. Гнала прочь дурные мысли, ночные страхи. Потеряла сон... Едва сомкнет веки — разверзается перед нею бездна, куда она стремительно падает... летит, летит... и нет той бездне конца и края.

Чтобы читать дальше,
напишите на email: tnosalskaya@gmail.com,
и получите ссылку на скачивание романа
"Роковой подарок жениха".

Спасибо за внимание к книгам Натальи Солнцевой!

С уважением к Вам,
Татьяна Носальская,
менеджер Автора.